

ПАРАДОКСЫ ВЕРНОСТИ

Детские стихи О. Туманяна в интерпретации Б. Ахмадулиной

ГЕОРГИЙ КУБАТЬЯН

Ровно четверть века назад к 125-летнему юбилею Ованеса Туманяна в «Вестнике Ереванского университета» появилась моя статья «Перевод как версия оригинала»¹. В статье не разбирались и даже, кажется, не упоминались детские стихи великого лорийца, переложённые русской поэтессой. Между тем эти версии армянских оригиналов не менее примечательны, чем адресованные взрослым, и вполне заслуживают анализа. Заинтересованно взглянуть на них побуждает и дополнительное обстоятельство. Жизненный путь Беллы Ахмадулиной (1937–2010) завершён, и настала пора подводить итог её работы в разных жанрах. Обозревая творчество поэтессы, надо бы среди прочего вспомнить и то, что лежало где-то на дальней периферии, внимания не привлекало и выветривалось из памяти. В том числе и переводы стихов для детей.

Первым долгом отметим, что в названной статье по ходу разбора зафиксированы многие различия между армянским автором и русской его переводчицей. Туманян по преимуществу эпик, Ахмадулина же сугубый лирик, соответственно разнятся не только их поэтика, но и поэтические системы вообще. В связи с новой темой добавим ещё одно расхождение, весьма здесь уместное. Туманян всю жизнь писал для детей разного возраста, причём сочинял для них едва ли не во всех жанрах: стихи, баллады, сказки, рассказы. Присовокупим к этому, что многие его «взрослые» стихотворные и прозаические вещи либо входят в обязательный круг подросткового чтения, либо доступны школьникам даже младших классов. Ахмадулина же, напротив, написала всего-навсего четыре стихотворения для малышей, объединённых очерком или заметкой (жанр определить сложно) «Песенки для Ани и для других мальчиков и девочек». Впрочем, первое по счёту детское стихотворение – «Удод» – увидело свет много раньше, в журнальной подборке Ахмадулиной и, как ни парадоксально, смотрелось

¹ «Перевод как версия оригинала. Поэзия О. Туманяна в интерпретации Б. Ахмадулиной» // «ВЕУ. Общественные науки», 1994, № 1. Лет через десять я вспомнил о статье и практически слово в слово перепечатал её под изменёнными заглавием и подзаголовком («Что нашптала муза. Туманян в интерпретации Б. Ахмадулиной») в журнале «Дружба народов» (2004, № 12).

там органично (как, например, органично смотрится баллада «Пёс и кот» в сборнике стихов Туманяна). Произошло это в 1970-м, спустя год после появления её туманяновских переводов, включая переводы детских стихов.

А теперь обратимся к этим стихам и переводам.

Աղվեսն եկավ բարձրը սարից,
Հարցմունք արավ լիքը թանից.
Մեծ խորոզ է հարկավոր ինձ.
Քաղցած աղվեսն, ազին ծաղիկ:
Աղվեսն հագել քուրքը դեղին,
Պըտուտ կուգա շուրջը գեղին.
Ջուր կըտըրվեց տատիս լեղին.
Դեղին աղվեսն, ազին ծաղիկ:
Աղվեսն ասավ պառավ տատին.
«Մըտիկ չեմ տա ձեռիդ փետին,
Կարոտել եմ թըմփլիկ ճուտին».
Անվախ աղվեսն, ազին ծաղիկ:

Перед нами начальные строфы туманяновской «Лисы». Вот как они выглядят в переложении Ахмадулиной:

В один прекрасный день лиса сошла с горы
И говорит: — Я жду, несите мне дары!
Мне надобен петух. Один петух пока!
Ах, дерзкая лиса с хвостом пышной цветка!

А бабушка моя, спасая свой насест,
Кричит: — Держись, петух! Лиса тебя не съест!
Ужо моя клюка помнёт твои бока,
Постылая лиса с хвостом пышной цветка!

Но бабушке лиса пролаяла в ответ:
— Без толку не кричи — даю тебе совет,
Слаба твоя рука и палка коротка!..
Бесстрашная лиса с хвостом пышной цветка!

Прежде чем сопоставлять оригинал с переводом, придётся напомнить абзац из упомянутой выше давней статьи:

«В статьях, заметках, интервью Ахмадулиной почти нет высказываний об искусстве перевода; переводческая её практика не подкреплена теоретическими обоснованиями. Лишь один-единственный раз она взялась поведать о том, как переводит. Примечательно, что случилось это, когда её имя ничего ещё не говорило читателю, когда до выхода её первой книги оставалось два года, когда, юная и неопытная, она только-только пробовала себя на переводческом поприще. Ещё более примечательно, что принципы, изложенные юной и неопытной переводчицей, с годами не претерпели перемен. Приобретая опыт и широкую известность, она подходила к

стихотворению, подлежащему переводу, точно так же, как на заре своей литературной карьеры.

“Стихотворение, подлежащее переводу” – так называлась небольшая статья Ахмадулиной. Она увидела свет в 1960 году. “Должна признаться, – говорилось в ней, – что я никогда не старалась соблюдать внешние приметы стихотворения: размер, способ рифмовки, – исходя при этом из той истины, что законы звучания на всех языках различны. Полная любви и участия к доверенным мне стихам, я желала им только одного – чтобы они стали современными русскими стихами, близкими современному русскому читателю”².

В нашу задачу не входит полемика с поэтессой. Справедлива или ошибочна её позиция, Ахмадулина стояла на ней и стоит. Убедиться в этом легко хотя бы по переводам из Туманяна».

В самом деле. С первого взгляда бросается в глаза, что в русской версии «Лисы» по-иному выглядит катрен; рифмовку по схеме *aaaб* заменила схема *aaбб*, при этом вторая рифма, видоизменяясь, дублируется семь раз: *цветка – пока, бока, коротка* и т. д.; помимо того, строка стала заметно длиннее: 8-сложник оригинала передан шестистопным ямбом с его двенадцатью слогами.

Как итог аналогии, довольно точно воспроизводящие подлинник, выросли в переводе целыми словесными блоками: *В один прекрасный день; И говорит: — Я жду, несите мне дары! И, наконец, Один нетух пока*. Присовокупим к этому, что рефренная строка по-армянски складывается всякий раз из существительного *տիլի* с единственным двусложным (*քիչիւմ* и т. д.) определением и то ли сравнения, то ли всё-таки метафоры, которая в буквальной передаче выглядит не просто коряво, но и малопонятно: *хвост – цветок*. По-русски, напротив, определению нужно четыре слога (*ах, дерзкая, постылая, бесстрашная*), а сравнение передано выразительным описанием: *с хвостом пышной цветка*.

Но всё это частности, детали. Касаемо же цельной оценки... О том, выполнил ли перевод своё предназначение – познакомить русского читателя (и слушателя, стихи-то детские) с армянским оригиналом, – об этом обычно судят, исходя из двух критериев. Во-первых, передаёт ли переводное произведение обаяние и прелесть оригинала, хорошие ли это русские стихи, способны ли они понравиться. Во-вторых, оставляют ли они в сознании русского читателя/слушателя впечатление, схожее с тем, какое производят на читателей/слушателей армянских.

Ответы на два вопроса будут противоположны. Краткий утвердительный и развёрнутый отрицательный.

Хороший или плохой, нравится либо не нравится – подход, исключаяющий весомые доказательства. Такой подход опирается на столь зыбкий

² Ахмадулина Б. Сочинения. Том 3. М., ПАН*Корона принт, 1997, с. 478.

фундамент, как вкус. Увы, восприятие художественного творчества немислимо без этой сколь угодно ненадёжной, но неизбежной отправной точки. Всякий, в ком Пастернак с усмешкой разглядел «объевшегося рифмами всезнайку», сперва фиксирует про себя: прекрасно, так себе, никуда не годится. Ну а потом уже, только потом аргументирует, отчего прекрасно или, напротив, из рук вон плохо. На мой вкус детские стихи Туманяна переданы Беллой Ахмадулиной чудесными русскими стихами; они красивы, улыбочивы, доступны потребителю пяти-восьми лет от роду. Подробных обоснований здесь не надо.

С другой стороны, прочитав «Աղբիւ» и приступая к «Лисе», не можешь избавиться от ощущения, что перед тобой другое стихотворение. Подлинник максимально прост и безыскусен³, отличается сниженной лексикой, которая насыщена (но не перенасыщена) диалектизмами, просторечными и разговорными формами, разного рода идиомами⁴. Перевод же выполнен в куда более высоком и чуть архаичном стиле: *дары* вместо *подарки*, *надобен* вместо *нужен*, *красу* вместо *красоту*. При этом дело не только и даже не столько в словаре, сколько в особой атмосфере, которую создаёт Ахмадулина в своих текстах, её специфическом искусстве «ставить слово после слова» таким образом, что вполне заурядная фраза начинает играть удивительными красками. Ни в коем случае не скажешь, будто переводчица пренебрегает просторечными и разговорными формами, равно как идиомами – всем тем, что придаёт туманяновскому стиху при несомненной его культуре и общепонятности истинно народный колорит. Таких слов, словечек, идиом у Ахмадулиной, возможно, не меньше, чем у Туманяна: *постылая*, *бесстыжая*, *шасть*, *невесть* куда, *помять бока*, *след простыл*, *худые* дела. Правда, наречие *ужо*, выражающее угрозу, не только просторечно, но и чуть архаично; точно так же мало-помалу устаревают и выбывают из активного словаря существительное *клюка* и прилагательное *премудрая*. Названная лексика, как и строго литературные, не представимые в обыденном разговоре прилагательное *бесстрашная*, глагол *воскликнула* и подобная вздоху фраза *Печаль моя горька*⁵, уравнивают просторечия и повышают регистр текста, его звучания. Хотя необходимо признать, при этом русская версия стихов остаётся как естественной, так и легкодоступной.

Для разносторонности разбора протестируем оригинал и переложение на так называемую буквальность – в какой степени русская версия воспроизводит армянский источник. Ждать значительного количества по-

³ Лишь искушённый глаз обнаружит, к примеру, глубокие, звонкие и вовсе не грамматические тройчатки рифм: դէղիւ–գէղիւ–լէղիւ.

⁴ Все эти խորոգ, փազան, կուզա, գէղ, փէտ, ջուր կըսորվեց տատիս լէղիւ и т. п.

⁵ Здесь угадывается улыбка переводчицы. Маленький слушатель скорей всего не знает хрестоматийного пушкинского «Печаль моя светла», но тот, кто ему читает детскую книжку, вполне вероятно, знает.

словных или построчных соответствий наивно, хотя таковые встречаются. Но передаёт ли переводная строфа, пусть в общих чертах, содержание туманяновской строфы? Да, передаёт.

В стихотворении семь строф. В первой лиса спускается с горы и предъявляет обитателям курятника своё требование: мне нужен петух. В переводе обе реперные точки сохранены; по сути, сохранён и рефрен, внешне почти неузнаваемый. Вторая строфа статична: лиса кружит близ деревни, а бабушка рассказчика-ребёнка боится за своих кур. Это всё. В переводе лиса, которой Туманян уделил здесь две первые строки, вообще отсутствует, про страхи бабки ни слова, взамен она грозит побить лису. Вроде бы два текста, армянский и русский, толкуют о разных вещах. Но каждое слово бабки (как обращённое к петуху, так и к лисе) выдаёт её страх. Вдобавок угроза лисе готовит ответ рыжей бестии, звучащий в третьей строфе. То есть оставшееся по-армянски в подтексте по-русски без ущерба для смысла переключалось в текст. Далее лиса смеётся над бабкиной угрозой; это передано в переводе более многословно, но не менее решительно и с издёвкой, хоть и выраженной совсем иначе.

Картина резко меняется в следующей строфе:

Աղվեսն եկել, նստել դէզին,
Երկար ազին ծըռել վրզին,
Աչք է ձրգել մեր խորոզին...
Էն գոդ աղվեսն, ազին ծաղիկ:

Из четырёх строк у Ахмадулиной с Туманяном соотносится только рефрен:

Лиса в курятник шасть и, не боясь греха,
Взялась хвалить красу и удаль петуха:
— Мне даже мысль о нём приятна и сладка!..
Лукавая лиса с хвостом пышной цветка!

В оригинале лиса сидит в сторонке и, не сводя с петуха глаз, молчит. А в переводе грубо льстит ему, заставляя вспомнить о басне Крылова «Ворона и лисица».

В пятой и шестой строфе переводчица снова вторит оригиналу, радуется, не буквально, но соблюдая порядок действий (бабка замечает пропажу, поднимает шум и оплакивает петуха) и воспроизводя манеру на показ утрировать боль утраты.

Заключительная строфа подчёркивает интонационную разницу между подлинником и переводом:

Աղվե՛ս, աղվե՛ս, փոքրիկ գազան,
Ոտներըդ կարճ ու խիստ վազան,
Շըներն ամեն քեզ չըհասան,
Ճարպիկ աղվես, ազին ծաղիկ:

В армянском стихотворении не вполне понятно, кто сдержанно, словно бы нехотя признаёт достоинства «маленького зверя» – рассказчик-ребёнок или же сам автор. В русском переводе сомнений нет и быть не может:

Ах, маленький зверёк, удаленький зверёк,
И след простыл твоих быстробегучих ног!
Худы твои дела, да слава велика,
Премудрая лиса с хвостом пышной цветка!

Это восхищённое славословие произносит автор и никто другой. Звучит оно в переводе, в оригинале же восторгом и не пахнет. Лисе с её быстроногостью и хитростью воздаётся должное, но и только. Ни автору с его деревенским происхождением, ни тем паче крестьянину-повествователю не с руки восхищаться проделкам воровки. Так что переводчица не просто переименовывает автора, нет, у неё с ним не совпадает угол зрения. Казалось бы, *փոքրիկ զիզիկ* переведено совершенно точно. Точно, да не вполне. Всё-таки лиса не зверёк, а зверь, хоть и не Бог весть какой крупный. Сознаёт ли это переводчица? Разумеется. Что из этого следует? А то, что суффикс *-ёк* в данном случае не уменьшительный, но сугубо ласкательный. Попутно стоит обратить внимание на двойную, через запятую характеристику в начальной строке. Перед нами чуть изменённое, широко употребляемое (всегда с оттенком одобрения) присловье *маленький, да удаленький*; лишний пример того, как охотно прибегает Ахмадулина к разговорным оборотам.

Ещё про туманяновскую «Лису» нужно добавить, что в этом адресованном детворе стихотворении несколько неожиданно звучит и лирическая нота. Поначалу её не сразу расслышишь, она даёт о себе знать единственно в рефрене с его субъективным, оценочным авторским взглядом на заглавное действующее лицо. Зато в заключительной строфе лирическая струя выбивается из-под спуда на поверхность. Ахмадулина не придумала её, просто чуть усилила в переводе то, что в оригинале словно бы приглушено сурдинкой.

О внезапной лиричности «Лисы» сказано потому, что детским стихам Туманяна это качество практически не присуще. В них обнаруживаются самые различные свойства – поучительность, ирония, лукавая улыбка, – но лирическое «я» почти неразличимо.

Взять, к примеру, прелестное стихотворение «Կանանչ ախպեր»:

Է՛յ, կանանչ ախպեր	Երկինք կապուտակ,
Է՛յ ճանանչ ախպեր,	Խատուտիկ հավքեր,
Արի՛, քեզ հետ բե՛ր	Զրնգան երգեր,
Արևի շողեր.	Գառների մայուն,
Բեր անուշահոտ	Խաղ, ուրախություն.
Ծիլ, ծաղիկ ու խոտ,	Է՛յ կանանչ ախպեր,
Կարկաչուն վրտակ,	Է՛յ ճանանչ ախպեր:

Здесь отсутствует индивидуальное, сугубо личное восприятие окружающего мира в целом и, в частности, картина, которая стихами рисуется. То есть отсутствует именно то, что лежит в основе лиризма. Лирические стихи непременно замешены на собственной, неповторимой оптике поэта, на лишь им испытываемом удивлении. Здесь же маленькому слушателю или читателю, только-только научившемуся складывать из букв связный текст, открывают общую панораму, лишённую какой-либо конкретики. Зелёному братцу – под этим иносказанием явлена в стихах вся флора, весь доступный маленькому зрителю растительный мир и первым долгом юная листва, – так вот, зелёному братцу суждено нести с собой по весне солнечные лучи, пьянящие запахи, всходы, цветы и травы, журчащие ручьи и синее небо. Заметьте, ни одной детали, никакой конкретики. Что выпадает из этого не делимого на разные растения, не наделённого разным окрасом и лишённого индивидуальных особенностей мира, так это сама флора, которой дано тёплое аллегорическое прозвание. Зелёный братец умещает в себе все без изъятия деревья, все полевые злаки, все луговые цветы и травы. Ребёнку ещё предстоит усвоить уйм названий, научиться различать тьму-тьмущую кустов и насаждений.

В переводе Беллы Ахмадулиной стихотворение «Э-э-эй, зелёный братец», коль скоро сопоставить его с армянским источником, создаёт ощущение парадокса:

Э-э-эй, весёлый братец,	Распевают на заре!»
Ты сказал нам: «Улыбайтесь,	— Э-э-эй, зелёный братец,
Забывайте о зиме!	Э-э-эй, весёлый братец,
Пусть цветы в садах белеют,	Что за игры, что за радость
Пусть ягнята нежно блеют,	На ликующей земле!
Пусть скворцы птенцов лелеют,	

С точки зрения буквальной, пословной верности от оригинала мало что осталось. Настолько мало, что единичные совпадения ничего не стоит перечесать по пальцам. Вот они. Во-первых, начальная строка-обращение, позднее продублированная. Во-вторых, упоминание о цветах. В-третьих, упоминание о блеющих ягнятах. В-четвёртых, «Пусть скворцы <...> распевают» напрямую соотносится с птахами и звонкими песнями. Наконец, воспроизведена строка «*Ի խիղ, քրիվըրթի*» – «*Что за игры, что за радость*». Это всё.

С другой стороны, перевод, столь далёкий от оригинала построчно и пословно, чрезвычайно близок ему по настроению и по сути. Ведь суть, она в том, что весна вступает в свои права. Нет, иначе. У Туманяна только-только вступает, у Ахмадулиной вступила. Ибо в садах уже цветут абрикосы, персики, яблони, перелётные птицы вернулись и растят птенцов, земля ликует, и повсюду царят радость и веселье. Переводчице легко было бы в точности воспроизвести и вторую строку – «Э-э-эй, знакомый братец», однако скучной по-русски букве она предпочитает отражающую дух оригинала вольность – «весёлый братец».

Отсюда и парадокс. То, что на поверхностный взгляд отсебятина, на

поверку весьма близко к источнику.

Снова про разговорность и, шире, народность армянского текста. Собственно, только две начальные строки (они же финальные) содержат просторечные формы. Но литературный текст, который по-армянски нередко производит впечатление суховато-книжного, здесь изумительно прост, естествен – что называется, ни сучка, ни задоринки. Кстати, перевод Ахмадулиной мало чем уступает ему.

Примерно та же картина наблюдается со стихотворением «Արսուտիկ»:

Արսուտիկ,	Ընտրենք քարեր,
Նախշուն տոտիկ	Ուտեն կուտիկ,
Իջնեն կալեր	Կըծըլվըլան
Գողտիկ-մողտիկ,	Կըլթիկ-կըլթիկ:

Остановимся для начала на названии. По-армянски оно дано в единственном числе и в уменьшительно-ласкательной форме. Белла же Ахмадулина предпочла, во-первых, множественное число, во-вторых, отказалась от уменьшительного суффикса. Нелепо порицать или одобрять выбор первоклассного поэта, тем более довольно давно завершившего поприще, тем не менее позволю себе заметить: Ахмадулина поступила правильно. В переводе, как и в оригинале, действует не одна «птичка-невеличка», но целая стайка (глаголы стоят во множественном числе: *իջնեն, ընտրեն, տունն, կըծըլվան*). Главное же, по-русски уменьшительная форма заглавного существительного практически не применяется. Даже в словаре В. Даля приводится без пояснений традиционное сравнение: «Весела, как вешний жавороночек». И только. Кстати, компьютер это слово подчёркивает, оно ему не знакомо. Заметим, однако, что потерянная здесь уменьшительная форма с лихвой и более чем уместно компенсирована: *клювики, зёрнышки*. В остальном же перевод «Жаворонков» исполнен приблизительно так же, как и «Зелёного братца» – далёк от буквальной точности, но создаёт образ, близкий к образу подлинника:

На гумне — и смех и труд.	Незаметно, воровски
Жаворонки — тут как тут.	Выбирают зёрнышки,
Клювиками — тук-тук-тук.	И над током впереклик
Улетают из-под рук.	Слышится: килтык, килтык.

Впрочем, и содержательно только третья и четвёртая строки вовсе не связаны с оригиналом. А вообще перевод передаёт и место действия подлинника (гумно, ток), и то, чем жаворонки заняты (выбирают зёрнышки), и как они клюют их (незаметно, воровски); воспроизведено даже звукоподражание. Помимо того, «Жаворонки», как и «Зелёный братец» позволяют ощутить игровой, жизнерадостный характер армянского стиха, внутреннюю его энергию. Характер игры носит и то, что компонентом мужской рифмы становится слово с ударением на первом слоге – зёрнышки. Чтобы оно рифмовалось с наречием *воровски*, его нужно произнести вразтяжку, с

двойным ударением: зёр-нышки⁶. Вдобавок убедительно – как интонацией, так и лексикой – воссоздана разговорная стихия текста. Ни одной тормозящей темп синтаксической конструкции, ни одного мудрёного, не сразу понятного маленькому адресату слова. Зато сохранены междометие *эй* и звукоподражание (даже добавлено второе – *тук-тук-тук*); обиходный оборот *тут как тут* и неологизм *впереклик* поддерживают атмосферу непринуждённой реплики в изустном общении.

Совсем иначе обстоит дело со стихотворением «Воробьи». Перед нами вещь ироническая, пересмешливая, шутейная. Первые три строки поданы в бытовой, пожалуй, даже реалистической манере; ничто не предвещает, что стилистика рассказа вот-вот изменится.

Շոտ ու կէս կորեկ ունեմ ցանելու համար,
Ճնճղուկներ թռան եկան ուտելու համար,
Շոացի քար վեր առա զարկելու համար...

Разве что глагол *զարկել* выглядит излишне воинственным и грозным. Однако в следующей же строке картина, с позволения сказать, обиходная, реалистическая приобретает черты фантастической, даже фантазмагорической:

...Դասարներ դանակ բերին մորթելու համար,
Աղջիկներ թև քաշեցին փետրելու համար:
Պառավներ պղինձ դրին եփելու համար:

Крохотные пичуги становятся в глазах рассказчика крупной дичью, медведем или кабаном, отварив которую в котле, всё село или даже целая округа устроят пир на весь мир:

Դուռ-դրկից շուրջ բազմեցին ուտելու համար,
Տերտերներ խաչով եկան օրհնելու համար,
Աշուղներ սազով եկան գովելու համար...

Повествование строится монотонно, однообразно, каждая строка завершается глаголом в инфинитиве и послелогом (чтобы посеять, чтобы съесть, чтобы зарезать), иными словами редифом и предредифной рифмой, намеренно примитивной, неизобретательной. Между тем ахмадулинский перевод с места в карьер уходит от оригинала:

Полторы кадушки проса у меня — чтобы посеять,
Чтобы всходы появились, чтобы холить и лелеять
Эти всходы молодые и водою поливать.
Воробьи же прилетели, чтобы проса поклевать.
Чтоб моих отборных зёрен воробьи не растащили,
Поднял я тяжёлый камень, чтобы камнем их подбить.

⁶ Невольно вспоминается строка из поэмы Ахмадулиной «Моя родословная»: «Читатель милый, поиграй со мной».

Первое, что бросается в глаза, – довольно длинную, вместительную строку Туманяна (в подлиннике 12-сложник) Ахмадулина делает ещё длиннее – 8-стопный ямб с цезурой посередине. Мало того, переводчица безоглядно нарушает эквILINEARность, наращивая количество строк; у Туманяна в первой части стихотворения их девять, у переводчицы – четырнадцать. Между прочим, обычно Белла Ахмадулина таких операций над стихом избегает. Понятно, рассказ обретает развёрнутость, появляются подробности, которые подлиннику не нужны. Подлиннику не нужны, но переводу понадобились.

Мясники ножи точили, чтоб совсем их погубить.
Девушки, оставив игры, рукава одежд нарядных
Засучили, чтобы птицу ощипать и опалить.
Все старухи сутились, чтоб для яств невероятных
Под котлом огонь затеять и в котёл воды налить.
Все соседи собирались, чтобы есть и чтобы пить,
Шли попы со всей округи, чтобы пир благословить.
Сазы взяв, брели ашуги, чтобы пир наш воспевать...

Деталей, отсутствующих у Туманяна, множество. К целым излишним, скажем так, строкам (к примеру, второй, третьей, пятой, одиннадцатой по счёту) добавились излишние же словосочетания (*оставив игры, одежд нарядных, птицу ощипать и опалить, под котлом огонь затеять* и т. п.). Эксперимент, проделанный переводчицей над исходным текстом, я б отнёс к сомнительным, если бы не результат. А в итоге мы получили полнокровные, освещённые улыбкой самоценные детские стихи. Позволю себе процитировать абзац из давней своей статьи: «Выше сказано, что любой перевод Ахмадулиной приобретает свойства самостоятельной версии. Больше того, временами чудится, будто подлинник и перевод Ахмадулиной имеют общий источник, от которого независимо друг от друга произросли, как два ствола на одном корне. Да, у них общий источник или, выражаясь учёным языком, инвариант – некая гипотетическая величина, содержащая в себе все признаки возможных своих реализаций. Армянский поэт реализовал его так, а русская поэтесса этак. Или: то, что нашептала муза, каждый услышал и воспроизвёл по-своему».

То, что было сказано про переводы «взрослых» стихов Ованеса Туманяна, в полной мере соотносится с переводами детских его стихов, исполненных Ахмадулиной. Может быть, оттого, что только начавшую знакомиться с армянским классиком русскую поэтессу «глубоко тронул простодушно-детский взгляд поэта на мир»⁷. Это сказано вовсе не о произведениях, адресованных детям, – о всём творчестве Туманяна. Не случайно переводам Ахмадулиной можно предъявить претензии разного свойства, но простодушный, прямодушный взгляд армянского поэта никоим обра-

⁷ «Туманян – 100. Юбилейная летопись». Ер., «Айастан», 1974, с. 319.

зом в них не замутнён. И ведь замечание переводчицы собственно детских стихов если даже касаются, то далеко не в первую очередь. Их Ахмадулина выделила специально в коротенькой реплике, что называется, на ходу. «Особенно пленительны его (Туманяна. – Г. К.) стихи для детей. Я их услышала впервые на языке поэта. И уже звучание этих стихов очаровало меня. Мелодичность, удивительная светлость стихов разбудили во мне желание тут же их перевести. Работа оказалась нелёгкой, ибо стихи эти совершенны в своей простоте, естественности»⁸.

Видимо, нет смысла разбирать туманяновских «Воробьёв» до конца. Мы лишь приумножим вереницу примеров, оставив суть неизменной; выделенные Ахмадулиной естественность и простота переданы ею безоговорочно. Напоследок замечу, что переводы замечательной русской поэтессы из Ованеса Туманяна дают обильный материал для наблюдений, размышлений, умозаключений. Надо лишь этим материалом воспользоваться.

Ключевые слова: *вкус, просторечия, архаизмы, стиль, народный колорит, текст и подтекст*

ԳԵՈՂԳԻ ԿՈՒԲԱՏՅԱՆ – Հավատարմության պարադոքսները. Հ. Թումանյանի մանկական ոտանավորները Բ. Ախմադուլինայի մեկնությամբ – Բացի մի շարք բանաստեղծություններից և «Փարվանա» բալլադից, որու հայտնի բանաստեղծուհի Բելլա Ախմադուլինան թարգմանել է նաև Հովհաննես Թումանյանի մանկական ոտանավորները, որոնց վերլուծությանն է նվիրված սույն հոդվածը: Նշվում է, որ Ախմադուլինան հաճախ խախտում է բնօրինակների ձևային առանձնահատկությունները, սակայն պահպանում է դրանց ներքին բովանդակությունը, բնականությունն ու խորությունը:

Բանալի բառեր – *գեղարվեստական ճաշակ, հասարակարանություններ, հնարանություններ, ոճ, ժողովրդական կոլորիտ, տեքստ և ենթատեքստ*

GEORGY KUBATIAN – Paradoxes of Fidelity. Children's Poems by H. Tumanyan Interpreted by B. Akhmadulina. – The famous Russian poet Bella Akhmadulina, in addition to a number of poems and ballad "Parvana", translated also Hovhannes Tumanian's poems for the children. The article analyzes these translations. It is noted that Akhmadulina often don't observe the formal peculiarities of the originals, but tries to preserve their inner content, naturalness and depth.

Key words: *taste, vernaculars, archaisms, style, folk flavour, text and subtext*

Поступление: 12.04.2019

Рец.: 15.05.2019

Принято к печати: 15.07.2019

⁸ Там же.